

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ОКРУЖАЮЩИХ [ЗЕМЛЮ]
МОРЯХ

環
海
異
聞

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки

КАНКАЙ ИБУН

«УДИВИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ОКРУЖАЮЩИХ [ЗЕМЛЮ] МОРЯХ»

Японская рукопись XIX в.
из рукописного фонда СПб ИВР РАН

Перевод, вступительная статья и комментарии
В. Н. Горегляда

Санкт-Петербург

ГИПЕРИ Н

2009

ББК 84(5Япо)
О-87

国際交流基金

*The publisher gratefully acknowledges the support of
the Japan Foundation in the publication of this book*

Ќцуки Гэнтаку, Симура Хироюки

О-87 Канкай ибун. «Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях» / Пер., вступ. ст. и коммент. В. Н. Горегляда. — СПб.: Гиперион, 2009. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — 392 с.

ISBN 978-5-89332-155-5

Рукопись «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях») представляет собой обработанные чиновниками сёгуната записи допросов четырех японских моряков, прибывших кораблекрушением к российским берегам и возвращенных в Японию российским посольством во главе с камергером двора Александра I, уполномоченным Российско-Американской компании Н. П. Резановым. Перевод «Канкай ибун» из собрания рукописного фонда Санкт-Петербургского Института Восточных рукописей РАН, стал последней работой известного петербургского япониста В. Н. Горегляда (1932–2002).

Ранее рукопись «Канкай ибун» никогда не переводилась на иностранные языки.

К изданию приложен CD с полным оригинальным текстом рукописи, включая многочисленные иллюстрации.

На обложке: иллюстрация из 11-го свитка рукописи «Канкай ибун» — памятник Петру I в Санкт-Петербурге («Медный всадник»), изображенный японским художником со слов допрошенных моряков.

ББК 84(5Япо)

ISBN 978-5-89332-155-5

© В. Н. Горегляд, наследники, перевод,
вступительная статья, комментарии, 2009
© Издательство «Гиперион», 2009

*Публикуя посмертно последнюю незаконченную работу
профессора В. Н. Горегляда,
издательство «Гиперион» отдает дань
глубокого уважения и признательности
ученому, продолжившему традиции
петербургской школы японоведения*

ОТ РЕДАКТОРА

Перевод рукописи «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях») из собрания рукописного фонда Санкт-Петербургского Института Восточных рукописей РАН¹, стал последней работой известного петербургского япониста В. Н. Горегляда (1932–2002), которую он не успел завершить. Перевод и комментарии к нему были почти полностью сделаны (за исключением последних четырех листов 16-го свитка), а справочный аппарат и разметка рукописного текста остались выполненными не до конца.

Рукопись «Канкай ибун» представляет собой обработанные записи допросов японских моряков, потерпевших кораблекрушение и прибитых к российским берегам, а потом возвращенных в Японию. В этой работе отразились не только научные интересы, но и личный житейский опыт исследователя. Напомним, что самой первой крупной печатной работой молодого японоведа стало факсимильное издание текста восьмой тетради рукописи «Канкай ибун», снабженное обширным предисловием ученого. В этом предисловии помимо общих сведений об истории появления и особенностях рукописи, внимание было уделено принципам транскрипции русских слов средствами японской силлабической графики, поскольку восьмая тетрадь представляет собой японо-русский словарь. Последним проектом В. Н. Горегляда стал полный перевод и комментарии всех 16 тетрадей этой же самой рукописи. Фактически с изучения этой рукописи началась научная жизнь исследователя, она же стала кульминацией и завершением его работы. Круг замкнулся.

Сам В. Н. Горегляд не понаслышке знал о жизни моряков, поскольку в начале своей академической карьеры по несколько месяцев в году работал переводчиком в группе советских наблюдателей на японских рыбоохранных судах, поддерживая уровень живого разговорного японского языка.

Кроме того, есть еще один немаловажный факт. В. Н. Горегляд был родом из Сибири, он родился в г. Нижнеудинске Иркутской области, откуда уехал в пятнадцатилетнем возрасте. Это обстоятельство оказалось как нельзя кстати при работе над переводом рассказов моряков. Дело в том, что сами японские моряки — люди весьма малообразованные — долгое время провели в Сибири, где понемногу осваивали русский язык, на котором говорили окружавшие их люди. Среди усвоенных ими слов было немало диалектизмов, присущих сибирскому говору, которым прекрасно владел В. Н. Горегляд. Именно это позволило ему реконструировать многие русские слова, сильно искаженные из-за несовершенства системы транскрипции и плохого русского произношения моряков. Кстати, и сам переводчик отдавал себе отчет в том, что это задача, которую мало кто мог бы решить. Недаром он упоминал в своей вводной статье, что существующий в Японии современный перевод текста грешит неточностями из-за того, что японский переводчик не знает сибирского говора, и по этой причине не может распознать множество слов.

¹ До 2009 г. санкт-петербургского филиала Института Востоковедения РАН.

Но и это еще не все. Судьба сложилась так, что В. Н. Горегляд вместе с коллегой и наставницей О. П. Петровой пришлось описывать и каталогизировать коллекцию японских рукописей и ксилографов из собрания рукописного фонда Института. Подобная работа невозможна без знания японской скорописи, которой записывались рукописи. Именно в годы составления каталогов В. Н. Горегляд самостоятельно научился читать скоропись, и в этом ему не было равных. После ухода ученого в нашей стране фактически не осталось специалистов, столь свободно владеющих мастерством чтения скорописных текстов. А рукопись «Канкай ибун» как раз и записана скорописным почерком, расшифровать который ныне никому из петербургских японистов (и не только!) уже не под силу. Сочетание всех этих обстоятельств и объясняет значение, которое придавал исследователь своему последнему проекту, увлеченно работая над ним до последней минуты. Мастерски сделанный перевод сложнейшего рукописного текста, сверка петербургского текста с имеющимися в Японии другими рукописными списками, их сопоставление и текстологический анализ выполнены с высочайшим профессионализмом. Поэтому при подготовке рукописи к печати было решено издать перевод в том виде, в котором его оставил В. Н. Горегляд.

Единственное отступление от этого состоит в том, что ученый не успел составить библиографию, в большинстве сносок указаны были только год и фамилия автора. Поэтому в конце перевода приведен составленный редактором список цитированных книг, в котором указаны все необходимые библиографические данные.

Хочется обратить внимание также на то, что В. Н. Горегляд не закончил разметку листов в русском переводе. В 8-м свитке разметка рукописи полностью отсутствует, в остальных свитках она есть только частично. При этом В. Н. Горегляд использует следующий способ разметки: в соответствии с традицией работы с рукописным текстом он указывает начало каждого нового рукописного листа — для японской рукописи листом называется две страницы, лицевая и оборотная — с помощью двух вертикальных косых линий (/). Такова стандартная практика. Однако в случае, когда начало листа приходится на середину фразы, исследователь отмечает в тексте начало и конец смыслового блока, который предшествует началу нового листа. Поэтому иногда новый лист обозначен с помощью двух вертикальных черт, а иногда этими значками выделен целый смысловой блок.

Заметим также, что В. Н. Горегляд старался по возможности точно следовать графической структуре рукописи, стремясь русский текст перевода располагать на странице так же, как он был размещен в оригинале, соблюдая разные отступы от края страницы. В этом легко может убедиться каждый любознательный читатель, если он сверится с факсимильным воспроизведением рукописи, записанным на прилагаемом к книге диске. Многочисленные цветные иллюстрации рукописи также представлены в цифровом формате.

К. Г. Маранджян

ЯПОНСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ В СТАРОЙ РОССИИ

После невиданно жестокого шторма у берегов о. Кюсю истерзанный стихией шлюп «Надежда» под командованием капитана И. Ф. Крузенштерна на рассвете 26 сентября 1804 года подошёл ко входу в бухту Нагасаки. Япония к этому времени уже почти 170 лет придерживалась политики закрытых дверей: из иностранцев только китайцам и голландцам разрешалось присылать туда торговые корабли, по одному в год. И присылать только в Нагасаки, где у берега залива была выстроена специальная фактория на искусственном (отгороженном от остального города специальным каналом) острове Дэдзима¹.

Но на борту «Надежды» в Японию из России прибыло посольство во главе с камергером двора Александра I, уполномоченным Российско-Американской компании Н. П. Резановым. На руках у камергера имелось разрешение, выданное японскими властями более чем за 11 лет до того Адаму Лаксману, на заход одного российского корабля в Нагасаки, единственный порт, в котором, как сказали ему чиновники из Мацумаэ, «нарочные, для того определённые начальствующие чиновники находятся».

На борту «Надежды», кроме русского посольства, в Нагасаки были доставлены четверо японских моряков, проживших в России больше десяти лет.

* * *

Правительственными декретами 1636–1639 гг. все европейцы были выдворены из Японии, христианская религия запрещена, японцам под страхом смерти запрещалось покидать пределы своей страны, а суда, которые отныне им позволялось строить, были пригодны только для прибрежного плавания. Самые крупные из таких судов управлялись экипажами в 17–19 человек. Из-за того, что Японский архипелаг располагается в зоне частых тайфунов и цунами, многие суда уносило в океан и разбивало. Из 10 моряков, попадавших в кораблекрушения, в живых оставался один.

Когда первые письменные сведения о Японии были опубликованы в России («Космография 1670», составленная в Холмогорском монастыре), они ещё не содержали данных о преследовании в этой стране иностранцев. Поэтому в разделе «О Японии или Япан-острове» можно увидеть такие, к при-

¹ Остров Дэдзима был сооружён в 1624 г., чтобы поселить на нём 25 португальских торговцев, а с 1641 г., через несколько лет после изгнания португальцев из Японии, на этом острове построили голландскую торговую факторию. С г. Нагасаки соединялся мостом.

меру, утверждения. «...Есть город Оссакая, славен и велможен, и волен во всем. Во всех восточных царствах славнейший. К которому городу из разных окрестных государств с разными товары приезжают, ярмонки и торговли великие бывают... Меж иными учении есть по их языку семинариум езуитское, бунгинское, там японские учатся португальскому языку, а португальские японскому языку, подобно якож латинскому языку»². «Космография» содержит самые разные сведения о географии, истории, этнографии и иных сторонах жизни Японии, почерпнутые из сочинений Марко Поло («Марко Паулюций», он же «Маркус Венецийский»), Герардуса Меркатора и других авторов. Интересно, что в конце описания Японии в книге отмечено: «Писахом же мало нечто и о сем острове Японском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица»³.

В начале XVIII века, как и в других странах Европы, сведения о Японии становились в России известны преимущественно в переводах с голландского из-за того, что страна была закрыта для общения с внешним миром. Отдельные описания справочного характера о Японии переводились также с китайского и маньчжурского языков.

Однако в результате указов о запрещении внешних контактов не пригодные для плавания в открытом океане японские корабли вскоре стало заносить тихоокеанскими штормами в пределы распространившейся на восток Российской империи. Появился ещё один источник сведений о Японии.

В 1697 г. завоеватель Камчатки казачий пятидесятник Владимир Атласов на юге полуострова освободил из ительменского плена японца Дэнбея, прожившего в плену два года. Показания Дэнбея добавили в России новые, теперь уже автохтонные сведения о Японии. Вскоре этого японца представили молодому Петру I, крестили именем Гавриил и по царскому указу велели обучать своему языку русских «солдатских робят». Через несколько лет к российским берегам прибило ещё одно японское судно, потом ещё... В 1736 г. в Санкт-Петербурге была открыта при Академии наук школа японского языка с преподавателем-японцем, написавшим для своих петербургских учеников несколько учебных пособий. Впоследствии школу перевели в Иркутск и сделали частью тамошней Навигацкой школы. Преподавателями японского языка в этой школе также были японские моряки, занесённые к российским берегам океанскими течениями, и их потомки. Потребность в существовании школы подобного рода больше всего испытывали сибирские промышленники, занятые хозяйственным освоением новых российских владений на северо-востоке империи и в Русской Америке. Школа в Иркутске просуществовала до 1816 г.

² Космография 1670. Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878–1881. С. 379, 387.

³ Там же. С. 393.

Примерно в то же время переводные и оригинальные сочинения о России также стали появляться в Японии. Вообще-то слово «Московия» стало известно японцам лет за 150 до того. Один из сортов мягкой кожи, которую в их страну привозили голландские купцы и которая употреблялась для мелких поделок, они называли «мосукобия». Казаков, которые в XVIII в. стали появляться на севере Японии, там называли из-за цвета их одежды «красными варварами». И только позже слово «мосукобия» и страну «красных варваров» стали идентифицировать с Россией.

Из оригинальных сочинений о ней наиболее подробные и разносторонние сведения содержали «Краткие вести о скитаниях в северных водах» («Хокуса бунряку») токугавского учёного-голландоведа Кацурагава Хёсю (1751–1809), записанные со слов капитана судна «Синсё-мару» из провинции Исэ Дайкокуя Кёдайё, прожившего в России около 10 лет, с 1783 по 1792 г. Японский учёный в этой работе так представляет читателю Россию:

«Эта страна является большим государством, расположенным в крайней северо-восточной части Европы. На западе Россия граничит с Польшей и Швецией, на юге — с Малой Татарией, Чёрным и Каспийским морями на востоке, в Азии — с Великой Татарией, на севере достигает Ледовитого океана. Протяжённость этой страны с запада на восток свыше 800 ри, с севера на юг — больше 560 ри... Климат очень холодный, большие земельные пространства представляют собой дикие степи или покрыты густыми лесами. Различного вида зерновые культуры производятся там в очень незначительном количестве.

В старые времена жители этой страны были очень дикими и свирепыми, почиталось у них только мужество, знаниями же истины обладали лишь весьма немногие. Но лет сто с лишним тому назад царём этого государства стал человек по имени Пётр Алексеевич. Он отличался добродетелью и очень обширными знаниями, был выдающимся воином и героем. Пётр объединил обширные земли, проложил много водных путей, развил связи с другими странами и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны»⁴. Сочинение Кацурагава Хёсю было создано по заказу сёгунского правительства для служебного пользования и не подлежало широкому распространению.

* * *

В конце декабря 1793 г. из порта Исиномаки на северо-востоке Японии (префектура Мияги) в направлении сёгунской столицы Эдо (современный Токио) в Тихий океан вышло судно «Вакамия-мару» с семнадцатью членами

⁴ Кацурагава Хёсю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку»). Перевод с японского, комментарии и приложения В. М. Константинова. — Памятники письменности Востока. XLI. М.: ИВЛ, 1978. С. 98–99.

экипажа и разнообразными товарами для продажи (главным образом, древесиной и рисом) на борту. Вначале океан был спокойным, но скоро неподалёку от мыса Сиоя на судно с юго-востока внезапно налетел тайфун. Он сломал на судне руль, в клочья изорвал парус и при нулевой видимости повлёл «Вакамия-мару» в неведомую даль. Морякам пришлось канатами стягивать на судне треснувшие доски бортов, тряпками от паруса затыкать многочисленные щели. Начался многомесячный дрейф, в конце которого судно прибило к скалистому берегу, который моряки приняли было за один из Курильских островов. Им, правда, показалось странным, что на берегу этого острова в начале 6-й луны вместо жаркого лета стояла прохлада, и повсюду лежал снег. На острове не видно было ни одного дерева, не росла трава — перед глазами виднелась сплошная каменная суша.

Оказалось, что это был остров Атка из группы Андреяновских островов в северо-восточной части Алеутского архипелага. О его прибрежные скалы почти сразу после прибытия к острову в шепки разнесло японское судно. Плыть странникам при полном желании больше было не на чем. 10 дней моряки передвигались вдоль берега острова на шлюпке в поисках людского жилья, благо кое-какую еду они с собой в шлюпку прихватили. Обнаруженные ими на острове туземцы со стриженными головами, длинными бородами, тёмными татуированными лицами, в одеждах из птичьих перьев и звериных шкур, которых дрейфовщики при первой встрече приняли за фантастических демонов из-за их внешнего вида, встретили моряков вполне приветливо. Они опекали принесённых океаном иноземцев больше 10 месяцев до того времени, когда тех забрали с собой на большую землю русские промышленники, обходившие на своём судне Алеутские острова для сбора мехов.

На острове дрейфовщики понесли первую потерю: умер от водянки капитан «Вакамия-мару» Хэйбэй.

После того, как скитальцев взяли на борт своего судна русские промышленники, для них последовало новое плавание по Тихому океану и Охотскому морю, через два месяца прибытие в Охотск, потом путешествие по суше до Якутска, оттуда вдоль Лены в Иркутск и долгие восемь лет жизни в суровых условиях в этом сибирском городе. Здесь моряки обнаружили, что в городе функционирует школа японского языка, и в ней преподаёт некто Синдзō (Н. П. Колотыгин), их земляк, происходивший из японской провинции Исэ, так же, как и они, переживший когда-то кораблекрушение у Алеутских островов, принявший православие и русское имя и фамилию, женившийся в России и живший в Иркутске в собственном доме.

8 июля 1799 г. император Павел I подписал указ за № 29-а об учреждении Российско-Американской компании⁵. Уполномоченным корреспондентом Компании в Санкт-Петербурге назначили обер-прокурора Сената Н. П. Резанова

⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXV. С. 699.

(1764–1807). Акции Компании купил сам император, императрица, великий князь и многие столичные сановники. Для увеличения их доходов акционерам скоро стала очевидной необходимость срочно наладить торговлю товарами американских владений России с её соседями, потому что доставка товаров из европейской части империи многократно увеличивала их стоимость: 8000 с лишним лошадей были ежегодно заняты их перевозкой, отчего стоимость грузов возрастала в 16 и более раз. При этом немалая часть драгоценных грузов разворовывалась по дороге.

Мысль об установлении торговых отношений с Японией у властей и промышленников России возникала и раньше. Как уже упоминалось, ещё Пётр I пытался учредить в Петербурге школу японского языка, чтобы она готовила специалистов на случай установления российско-японских связей. В Петербурге такая школа находилась под патронажем библиотекаря Андрея Богданова, она была открыта в 1736 г. и существовала с перерывами до 1754 г. 13 сентября 1792 г. с благословения Екатерины II из Охотска в Японию отправился транспорт «Екатерина» с посольством молодого поручика А. К. Лаксмана, которому было велено провести с японскими властями переговоры об установлении официальных отношений между двумя соседними странами. У посланника было на этот счёт официальное письмо за подписью Сибирского и Колыванского генерал-губернатора И. А. Пиля, а предлогом для захода русского судна в японский порт было избрано возвращение на родину трёх моряков из провинции Исэ, занесённых к российским берегам океанскими штормами в 1783 г.

Итогом многомесячных переговоров А. К. Лаксмана было разрешение японских властей на приход в Нагасаки русского судна для дальнейшего обсуждения проблемы. Таким судном и стал через много лет шлюп «Надежда», доставивший в Японию посольство Н. П. Резанова, получившего перед отплытием высокий чин камергера двора его императорского величества.

Что касается моряков с «Вакамия-мару», осевших после долгих скитаний в Иркутске, то в Петербурге о них вспомнили, когда там было принято решение о посылке этого посольства. Оставшихся к тому времени в живых японцев спешно на перекладных с нарочным курьером доставили в столицу, где пошили им новые одежды по японским образцам (старые успели износиться) и представили на аудиенцию Александру I. Царь во время аудиенции спросил несчастных, не желают ли они вернуться на родину. Желание возвратиться выразили четверо некрещённых японцев, остальные вернулись в Иркутск.

26 июля 1803 г. шлюп «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна вместе со шлюпом «Нева», направлявшимся в американские владения России, оставил Кронштадт. По убеждению Н. П. Резанова, его посольство, находившееся на «Надежде», обещало «на предбудущие времена обширные виды торговли как во особенности для выгод Российско-Американской компании,

так и для пользы всей восточной области Сибири, а может быть и для всего государства»⁶.

Двум кораблям предстоял многомесячный путь через Данию, Великобританию, Канарские острова, Бразилию (порт Екатерина), вокруг мыса Горн, на Маркизские острова, где их пути расходились и откуда «Надежда» одна должна была следовать на Сандвичевы острова, затем на Камчатку, в Петропавловскую гавань, а после этого — в Японию, в порт Нагасаки. Во всё время подготовки к путешествию и в течение самого плавания камергера Н. П. Резанова, судя по его дневнику и переписке, не покидала уверенность в успешном выполнении его миссии. Те же источники свидетельствуют, что он не имел даже отдалённого представления о том, с чем ему придётся встретиться в Японии. Он не понимал и истолковывал по-своему многие обычаи и поступки японцев и даже поведение голландцев в Нагасаки.

Во время последнего шторма «Надежда», уже находясь вблизи берегов Японии, едва не затонула. 19 сентября утром, «в половине четвертого часа, — писал впоследствии Н. П. Резанов, — порвало у апселей все шкоты и фалы. В 4 часа несло уже нас без всех парусов к берегу, ветер с такою жестокостью свирепствовал, что уже волн не видно было, а одна пыль водяная, в которой грот-мачту видеть не позволяло. С правой стороны оторвало запасной грот-рей и унесло в море, закреплённую контр-бизань в куски изорвало, на шкафуте все обломало, паруса и прочее под корабль подтащило... у рундука привязанный большой сундук с ружьями и саблями оторвало и, несмотря на тягость, по шканцам бросало...».

Ко времени подхода российского шлюпа к входу в бухту Нагасаки сторожевые уже четвёртый день при помощи костров докладывали местному начальству о появлении возле берега трёхмачтового европейского корабля. Надо сказать, что подготовка к встрече велась в эти дни не только японцами, но и русскими. В письме на имя командира шлюпа «Надежда» И. Ф. Крузенштерна (с которым Н. П. Резанов был в натянутых отношениях и с некоторых пор лично старался не общаться) посланник Н. П. Резанов предписывал: «В рассуждении нетерпимости японцами христианской веры известны вы, милостивый государь мой, какие нужны предосторожности, чтоб отнюдь не были производимы никакие наружные знаки нашего богослужения, что и в листе от японского правительства Лаксману данном, довольно сильно упомянуто»⁷. Тогда же он составил для себя перечень из 18 вопросов, которые, по предположениям посланника, ему могут задавать японцы. На первом месте значилось: «Как велико Российское государство?» Ответ на этот вопрос

⁶ Цит. по: *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: ИВЛ, 1960. С. 81.

⁷ *Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера. 1799–1815. Сборник документов.* М.: Наука, 1994. С. 94.

планировался такой: «Россия пространством своим занимает полсвета и есть величайшее государство во всей вселенной. Есть города от столицы расстоянием 12 000 верст и более»⁸.

Переговоры с губернаторами Нагасаки оказались трудными по нескольким причинам. Во-первых, со времени пребывания на севере страны посольства А. К. Лаксмана ужесточилось отношение сёгунского правительства к самой идее завязать торговлю с Россией. Во-вторых, решительными противниками такой идеи были губернаторы Нагасаки, возглавлявшие переговоры с японской стороны. В-третьих, посредником в ведении переговоров с японцами Н. П. Резанов избрал главу голландской торговой фактории на о. Дэдзима Хейндрика Дуфа, человека, по своему официальному положению менее всего заинтересованного в их успехе. И, наконец, сам посланник имел самое поверхностное представление о стране пребывания, подходил ко всему, что видел, с европейскими мерками и заботился, в основном, о том, каким молодцом он сам выглядел бы в глазах петербургского света, а не о существе дела. В результате, переговоры о начале торговли закончились полным провалом.

Доставленных в Нагасаки японских дрейфовщиков передали местным властям только 27 марта 1805 г. Томительное ожидание акта передачи вызывало у них мысли о собственном безрадостном будущем. Прошёл ложный слух, будто Дайкокуя Кōдаё, возвращённый в Японию Адамом Лаксманом, сидит в заточении, и вновь прибывшую четвёрку в лучшем случае ожидает та же судьба. Самый молодой и впечатлительный из вернувшихся на родину моряков по имени Тадзёрё в минуту отчаянья даже попытался покончить с собой, сунув себе в рот кухонный нож.

Однако действительность оказалась другой. Кōдаё после возвращения на родину по распоряжению сёгунского правительства должен был отвечать на вопросы особой правительственной комиссии о своём пребывании в России и о самой этой стране и заслужил репутацию крупнейшего эксперта по русскому вопросу в тогдашней Японии. По результатам его показаний было написано несколько сочинений. Они считались секретными, и рукописи с этими сочинениями хранились в правительственных собраниях. Членов же экипажа «Вакамия-мару» получили распоряжение опрашивать не правительственные чиновники, а представители их родного клана Мияги.

В 12-ю луну 2-го года правления под девизом Бунка (1805 г.) их доставили из Нагасаки в Эдо и в 20-й день той же луны вызвали в клановую резиденцию в эдоском припортовом районе Сиба. В резиденции их принял десятилетний глава клана Мияги Датэ Тикамунэ.

По распоряжению клановых властей и по инициативе двоюродного деда главы клана советника бакуфу (младшего старейшины Сэтцу-но ками) Хотта Масаацу (1755–1832, в тексте сочинения он упоминается как «вельможа из

⁸ Там же. С. 95.

Катада») знающий голландский язык клановый врач Ёцуки Сигэката (Гэнтаку, Бансуй, Мёсицу; 1757–1813) и *рангакуся* (голландовед) Симура Хироюки (Сэкикэй, Моан, Кикукаку Синкэн; род. в 1769 г.) в течение 40 дней, до середины 2-й луны следующего года опрашивали трёх моряков (Тадзёрё из-за травмы во рту говорить не мог) и записывали их ответы. Вопросы задавал старший из них, а записи, в основном, производил младший.

Ёцуки и Симура⁹

Главный из двоих прибывших из Сэндай чиновников, Ёцуки Сигэката родился в селении Накасато (совр. город Итиноскэки) уезда Иваи провинции Муцу в семье врача. Его детским именем было Ёкити, а после церемонии инициации — Гэнсэцу. В тринадцатилетнем возрасте Гэнсэцу поступил на учёбу в клановую медицинскую школу Такэбэ Сэйана. В 1778 г. он поехал в Эдо, где при содействии Рёсаку, сына Такэбэ Сэйана, поступил на учёбу к знаменитому специалисту по голландской медицине и к другому знаменитому голландоведу для обучения голландскому языку. Своё образование он продолжил в центре европейского образования г. Нагасаки в 1785 г. В 1786 г. его отозвали в Сэндай. По дороге молодой врач задержался в Эдо, где стал выполнять обязанности кланового врача, открыл частную школу голландской медицины «Сибэ Рандо» («Голландский павильон в районе Сиба») и очень активно занимался переводом с голландского языка европейских медицинских сочинений. В общей сложности переведённые им сочинения составляют более 300 свитков.

Другой составитель, Симура Хироюки, был родом из г. Сэндай. Как и два его старших брата, Годзё и Тёсё, был популярным специалистом-*рангакуся*. Годзё после окончания в Эдо школы Сёхэйкё вскоре возглавил клановую конфуцианскую школу, воспитанником которой стал и Хироюки. Со временем младший брат стал помощником не имевшего наследников старшего, а в преклонные годы — наставником главы клана Мияги.

Создание «Удивительных сведений об окружающих [Землю] морях»

В середине 2-й луны 3-го года эры правления под девизом Бунка моряки вернулись в столицу своего клана, г. Сэндай, а Ёцуки и Симура на основе своих записей приступили к написанию сочинения по результатам бесед с ними. Симура вскоре после написания черновика сочинения был отозван

⁹ Раздел написан, в основном, по материалам книги Икэда Акира (см. след. сноску).

в Сэндай и оставил свои заметки старшему коллеге, а тот стал сравнивать эти бумаги с собственными набросками, уточнять показания моряков по китайским и голландским источникам, консультироваться с географами, картографами и астрономами, с Дайкокуя Кōдаё, с которым познакомился ещё в 1794 г. в Эдо, на праздновании группой из 28 голландоведов европейского Нового года, распределять материал по тематическим рубрикам и снабжать рукопись пояснительными иллюстрациями и географическими картами европейского типа.

Перед составителями вставали проблемы самого разного характера. Им, например, трудно было зрительно представить себе собачьи упряжки, устройство сцены в европейском театре, памятник Петру I в Петербурге или внешний вид великанов-аборигенов с Маркизских островов. Но среди учеников Оцуки Гэнтаку оказался любитель рисования, который со слов моряков делал наброски, по их замечаниям вносил в них исправления и таким путём снабдил рукопись ста пятнадцатью иллюстрациями. Правда, многие из них производят несколько необычное впечатление. Так, более чем странно выглядит на рисунках Медный всадник в столице России, а изображение грозди бананов можно идентифицировать лишь с большой долей фантазии.

Однако если иллюстрации могут показаться необязательным элементом в такого рода сочинении, то есть аспекты, не отразить которые составители не имели права. К ним относятся перевод дат европейского солнечного календаря в систему дальневосточного лунного, идентификация русских и японских мер веса и единиц расстояния. Неоценимую помощь в дешифровке легенд русских карт и в переводе дат автору оказывал астроном, специалист по картографии и календарям Хадзама Сигэтоми («господин Ма», 1756–1816).

Правда, многие данные моряки просто забыли, и нужно было их по возможности восстановить. Для этого и требовались китайские и голландские справочники, консультации Дайкокуя Кōдаё у специалистов (Гэнтаку в случае расхождения их данных с показаниями дрейфовщиков считал нужным приводить те и другие цифры или соответствующие русские слова). А во времени составители были строго ограничены предписаниями клановых властей.

В начале лета 1807 г. работа над рукописью была завершена. Сочинение в 15-и (в некоторых списках в 16-и) тетрадях рассказывало о первом в истории путешествии японцев вокруг света и получило название «Канкай ибун» (環海異聞, Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях).

Оцуки Гэнтаку и Симура Хироюки проделали беспримерно большую работу, много дней опрашивая моряков, сверяя их показания с данными из китайских и голландских трактатов и справочников, со словами Дайкокуя Кōдаё, привлекая к работе над цифровыми данными крупных специалистов. Невольно возникает вопрос: как после всего этого сами авторы сочинения стали относиться к России? Есть один показатель, который позволяет судить об этом. Ни одним словом в «Канкай ибун» авторы не упоминают, что

Россия — страна христианская, хотя включили в сочинение специальный раздел «Религия». Всюду вероисповедание россиян представлено здесь как разновидность буддизма. Между тем, как в голландских источниках сведения о православии применительно к России, безусловно, содержались и японским специалистам были хорошо известны. Значит, упомянутый приём использован авторами сознательно.

Обескураженный неудачей в переговорах с японскими чиновниками Н. П. Резанов решил японцам отомстить. Прибыв на Аляску, он приказал состоявшим на службе в Российско-Американской компании лейтенанту Н. А. Хвостову и мичману Г. И. Давыдову, капитанам соответственно фрегата «Юнона» и тендера «Авось», принадлежавших Компании, разрушить японские торговые фактории на Южном Сахалине и Южных Курилах. Приказ был выполнен летом 1808 г. В результате, опасаясь русской интервенции, в следующем году северные кланы Японии Сэндай, Цугару, Намбу и Аидзу двинули свои военные дружины в поход на север, клан Аидзу разместил 700 своих воинов на Сахалине¹⁰. Нападение на японские фактории на Сахалине и Курилах явилось причиной пленения японцами капитана В. М. Головнина в 1811 г.

Перечисленным кланам и многим японским чиновникам в качестве справочника понадобились копии нового сочинения о России, которую стали считать в состоянии войны с Японией. Это сочинение, в отличие от «Хокуса бунряку», не имело грифа секретности, стало свободно переписываться и скоро распространилось в списках. В наше время рукописями с текстом «Канкай ибун» располагают многие библиотеки не только в Японии, но и за её пределами.

Рукописные списки и издания сочинения

Как почти для всякой рукописи, для «Канкай ибун» существует проблема автографа, авторского её варианта. Существуют свидетельства о том, что в 1900 г. Исии Кэндō (石井研堂) при подготовке к печати в издательстве «Хоку-бункан» серии японских рукописей о морях, занесённых в эпоху Эдо в заморские страны (это была не только Россия, но и Китай, и страны Южной и Юго-Восточной Азии), встречался с потомком Ōцуки Гэнтаку по имени Нёдан и получил доступ к его семейной библиотеке¹¹. Где находится рукопись дома Ōцуки в настоящее время, нам не известно, но среди наиболее близких к автографу можно назвать списки «Канкай ибун» из собраний японской Парламентской библиотеки, библиотеки Кабинета министров, внутренней библио-

¹⁰ 池田皓, 環海異聞、訳者の序文—「海外渡船記叢書 2」(Икэда Акира. «Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях». Предисловие переводчика. — «Серия записей о заморских плаваниях судов. 2»). Токио: Юсёдō, 1989. С. VI.

¹¹ Там же. С. II–III.

теки Дворцового ведомства, библиотеки университета Васэда и библиотеки префектуры Мияги (г. Сэндай). Представляет интерес рукопись из собрания Международного центра по изучению японской культуры в Киото, поступившая туда с библиотекой профессора Сōда Хадзимэ (宗田一). 15 свитков сочинения сброшюрованы в 6 тетрадей, а в число иллюстраций включено несколько таких, которые в других рукописях не представлены. Разночтений в списках не очень много, но опыт сравнения изданий даже с одних и тех же протографов свидетельствует о том, что одинаковые знаки специалистами иногда интерпретировались по-разному. Это касается даже прочтения небрежно написанных знаков слогового письма *катакана*.

Печатное издание, подготовленное Исии Кэндō, не содержит указания на протограф. По некоторым признакам можно предположить, что протографом для него послужил список дома Ōцуки, который составитель сверял с несколькими другими рукописями. Недостатком этого издания является полное отсутствие в нём иллюстраций.

Другое полное издание «Канкай ибун» было осуществлено в 1944 г. Ōтомо Кисаку (大友喜作), в качестве 4-го тома серии «Хокумон сōсё» (北門叢書), издательства «Хоккō сёбō». Этот подготовитель тоже не указал, какой текст послужил для него протографом, и включил в издание очень мало рисунков (рисунки малого формата, чёрно-белые). Полиграфическое качество издания военного времени и качество бумаги также не безупречно. В 1976 г. великолепное по качеству издание на материале рукописи из собственного собрания предпринял Миядзакэ Эйити (宮崎栄一). Тираж книги — всего 300 пронумерованных экземпляров — выпустило издательство «Сōмонся». Составитель поместил в книгу больше ста крупноформатных иллюстраций, в том числе около половины — из других списков.

В 1980-е годы было предпринято два печатных издания «Канкай ибун». Сугимото Цутому (杉本つとむ) в 1986 г. с помощью русиста Иваи Норюки (岩井憲幸) подготовил и опубликовал в издательстве «Яцусака сёбō» рукопись из собрания кабинета министров. Специальное внимание в книге уделено русской лексике, отражённой в 8-й тетради сочинения.

Необычное издание осуществило в сентябре 1989 г. издательство «Сōсёдō». Вторым номером в «Библиотеке записей о заморских путешествиях» оно выпустило это сочинение в переводе на современный японский язык. Переводчик Икэда Акира выполнял его, сверяя между собой тексты семи рукописей. Он снабдил издание подробными предисловием и послесловием, включил в него иллюстрации, идентифицировал географические названия. К сожалению, характер издания не предполагал отмечать ни разночтения в списках, ни какие-либо иные текстологические особенности списков потому, что издание было рассчитано на широкого читателя. Упомянув, что в его личном собрании «Канкай ибун» состоит из 16 тетрадей, он никак не отразил это обстоятельство в своём издании.

Издательство «Хёмонся», публикуя собрание сочинений о дрейфах японских моряков в эпоху Эдо из рукописной коллекции Исии Кэндō, в 1993 г. в качестве шестого тома включило в него «Канкай ибун», подготовленный для издания Ямасита Цунэо (山下恒夫).

*Текстологические особенности рукописи
из Санкт-Петербургского собрания*

За основу настоящего перевода взята рукопись из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Рукопись состоит из 16 тетрадей в обложках из плотной бумаги. Её общий объём 421 лист (26,6 × 18,4 см), шифр С-191. Язык японский, скоропись, *хэнтайгана*. На первых листах всех тетрадей стоят печати Азиатского музея и посольства Японской империи в России. Очевидно, рукопись была изготовлена для японского посольства специально, при его учреждении в Петербурге после революции Мэйдзи, с неизвестного протографа. В Азиатский музей из библиотеки посольства рукопись попала, по всей вероятности, в 1918 г. во время переезда иностранных дипломатических миссий из Петрограда в Москву. К этому времени в глазах японских дипломатов ценность сочинения Ёцуки и Симура как справочного материала значительно уменьшилась, и они сочли возможным передать рукопись «Канкай ибун» крупнейшему хранилищу восточных рукописей в России. Впрочем, это можно только предполагать: никаких записей о передаче рукописи из Посольства в Музей обнаружить пока не удаётся.

16-я тетрадь образовалась не от механического деления 15-й тетради на две половины, а определяется объёмом и содержанием материала. Часть последней тетради рукописи из собрания Института составляют листы (начиная с 18-го и далее), выделенные из текста 15-й тетради, к ним прибавлен текст послания российского императора японскому, приблизительно пересказанный тогдашними японскими специалистами с голландского¹². При этом последний фрагмент окончания 15-й тетради в нашу рукопись не вошёл, а само это окончание производит впечатление незавершённости. Можно предположить, что необходимость указанной вставки продиктована её значением для характеристики русско-японских отношений того времени¹³.

¹² Русский текст письма Александра I см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая: 1801–1815 гг. М., 1960. С. 474–475.

¹³ Показателен в этом отношении большой пропуск в тексте в конце 12-й тетради, где приводятся даты и маршрут плавания «Надежды» между мысом Горн и Маркизскими островами: к задачам, которые стояли перед владельцами рукописи, это описание не имело отношения.

Приступая к переводу этого сочинения на русский язык, я исходил из предположения о том, что МИД Японии, снабжая посольство рукописной копией «Канкай ибун», должен был снять её в Японии с авторитетного, то есть с максимально приближённого к авторскому оригиналу протографа. В процессе работы появилась возможность сравнивать текст институтской рукописи с текстами изданий Отомо, Миядзаки, Икэда, Сугимото и Ямасита и рукописи Сёда. Разнописи и разночтения со вспомогательными текстами я отмечал в примечаниях к переводу, однако часть этих текстов не даёт оснований для установления генеалогии списка потому, что представляет только результат сличения нескольких списков и не снабжён текстологическими пометами. Это сводные тексты. Наш список можно привязать только к нескольким изданным текстам, но это мало что даёт из-за отсутствия в них отсылок к протографам. Что касается рукописи из собрания Сёда, она, по моим наблюдениям, принадлежит к другой линии.

Тем не менее сравнение разных текстов помогло выявить специфику нашего списка (компоновка материала, его количество и некоторые палеографические детали), сравнительную близость его к некоторым другим спискам и общие текстологические особенности японских рукописей.

* * *

К особенностям японского скорописного текста относится последовательное использование какого-то одного вида слогового письма. Как правило, если мы имеем дело с гетерографической скорописью, фонетическая её часть бывает записана слоговыми знаками системы *хэнтайгана*. Главная особенность этих знаков — это их сложность, внешняя похожесть силлабемы на исходный иероглиф и наличие нескольких форм начертания для передачи каждой силлабемы. При этом разные формы написания переписчик мог использовать для одного и того же слога в одной фразе. Больше того, переписчик не считал для себя обязательным повторять начертание знака в протографе, заменяя иногда не только формы знаков *хэнтайганы*, но и употребляя вместо них знаки *хироганы* и даже *катаканы* (в последнем случае чаще всего знак 二). К путанице приводила подчас и непоследовательность в постановке знаков озвончения, особенно там, где были записаны иностранные имена и собственные названия.

Из-за внешнего сходства силлабемы с её иероглифическим прототипом читатель или переписчик иногда принимал эту силлабему за иероглиф и неверно понимал смысл всей фразы. Не считалась предосудительной замена иероглифа его омографом или знаками слогового письма или замена знаков слогового письма иероглифом. Такие замены зависели от свободного усмотрения и навыков переписчика.

Прямые цитаты из китайских сочинений записывались без их перевода на японский язык уставным письмом (*хакубуи*, *кайсё*).

Если автор сочинения в тексте как-то называл себя (указывал свою фамилию, имя, псевдоним, чин, употреблял личное местоимение или его уничижительный эквивалент вроде: «глупый старец», «ничтожный вассал»), он записывал соответствующее слово более мелким, чем основной текст, почерком. Перед упоминанием имени или официального положения своего сюзерена в тексте он оставлял пробел величиной в один или несколько знаков. В тех местах, где переписчик по какой-то причине не мог прочесть текст протографа, он рисовал на его месте пустую рамку, по размеру совпадающую с соответствующим количеством пропущенных знаков.

На каждой странице, сплошь заполненной текстом, размещалось одно и то же, принятое в данной рукописи число строк, а в каждой строке — одинаковое количество письменных знаков. Строчные примечания заполнялись вдвое меньшими по размеру знаками, в два столбца. Исправления в тексте писались на отдельной бумажке, при помощи которой заклеивались неверно написанные знаки. Листы рукописи часто (как, например, в нашем случае) не пагинировались.

* * *

Санкт-Петербургская рукопись написана одним стилем, но несколькими разными почерками (отмечено, что список библиотеки Кабинета министров записан четырьмя почерками, а список университета Васэда — одним или двумя)¹⁴. Можно предположить, что заказ на переписку был срочным, поэтому среди переписчиков, чтобы они быстрее выполнили свою работу, тетради рукописи предварительно распределили. Переписчики различаются по большей или меньшей небрежности начертания иероглифов и знаков каны, тщательности следования протографу, пропускам, перестановкам местами абзацев. Одно и то же иностранное название или имя собственное в разных местах может транскрибироваться по-разному.

Небрежность почерка, пропуски в тексте и другие отступления от протографа увеличиваются к концу рукописи, особенно, начиная с 11 свитка.

Транскрипция иностранных слов средствами японской графики — это отдельная проблема. На неё влияло несколько факторов: память и произношение моряков, качество протографа рукописи, стандартные ошибки переписчика¹⁵. При передаче средствами японской графики русских слов вмешивается также фактор наличия в русском языке звуков и звукосочетаний, произнести которые японцы не могли: «ы», «ж», «л», «щ», «ца», «ци», «це», «цо», «фа»,

¹⁴ *Икэда Акира*. Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях. С. V.

¹⁵ Наиболее распространённые ошибки переписчика на примере древнерусских рукописей подробно описал Д. С. Лихачёв: *Текстология*. Л.: Наука, 1983. С. 65–87. Такие же ошибки типичны и для японских переписчиков.

«фи», «фе», «фё», «фо» и др. И закон открытого слога в японском языке, при котором стяжение согласных в иностранном слове ни в произносительном, ни в письменном варианте не передавалось. Сочетание этих факторов приводило к сильным искажениям звучания иностранных слов: *Гараров* вместо Деларов, *Хирурикихоусэн* вместо Беллинсгаузен, и даже более простые случаи: *сяка* вместо «кушак», *кэрайка* вместо «грех», *мосоёросо* вместо «матрос», *нагора* вместо «могила». В некоторых случаях русские слова по их японской транскрипции идентифицировать вообще не удаётся. Нередко одно и то же русское слово в разных текстах записано по-разному. Более того, даже в одной рукописи, на одной стороне листа во многих случаях одно и то же слово пишется по-разному.

В издании Сугимото составлена подробная таблица соответствия записи русских слов в транскрипции «Канкай ибун» их оригинальному написанию по-русски и значению в современном японском языке. Автор реконструкции Иваи Норуюки проделал огромную работу и свою задачу, в основном, выполнил. Несколько случаев, поставивших его в тупик, сводятся к неразрешимой путанице в самой транскрипции и к восточно-сибирским диалектизмам, не отражённым в словарях или специальной литературе.

Если отвлечься от искажений в произношении моряков и от ошибок переписчиков, на примере Санкт-Петербургской рукописи можно отметить такие ошибки и закономерности в транскрипции:

1. Неверное прочтение переписчиком слова в протографе — чаще всего это бывает связано с неразборчивым написанием слогабемы. Наиболее часто встречающиеся ошибки — смешение знаков コ и ユ; コ и ロ; ラ, テ и ウ; ソ, フ, ワ, ク и ツ; ナ и チ; シ, シ и レ. Такие ошибки в разных списках не совпадают между собой, и это даёт некоторую, хотя и не очень твёрдую, надежду на установление генеалогии списков. Ошибки написания и прочтения встречаются даже в тех случаях, когда в тексте для уточнения правильного варианта приводится альтернативное чтение, сообщённое автору Дайкокуя Кодайб. Хотя, казалось бы, в таких случаях переписчик должен был быть особенно внимательным.

2. Авторы отмечают, что моряки многое забыли из-за давности отъезда из России или исказили звучание русских слов в соответствии со своим диалектным произношением. Просматривая словарный материал «Канкай ибун», мы можем заключить, что и за годы проживания в России они научились говорить по-русски, мягко говоря, не очень бегло (в этом отношении наибольшие способности русскими отмечались у Дзэнроку). Этим частично объясняется бессистемность в фиксации грамматических форм русского глагола и имени существительного. Так, одни глаголы в тетради 8 («Словарь») записаны в настоящем времени изъявительного наклонения (в 1-м, 2-м и 3-м лице), другие — в единственном числе прошедшего времени изъявительного наклонения, третьи — в неопределённой форме, четвёртые — в повелительном наклонении.

Большая часть существительных зафиксирована в именительном падеже единственного числа. Однако многие существительные и местоимения стоят в косвенных падежах или в именительном падеже множественного числа: *нōкэ* (ноги), *сохэи* (зубы), *сутория* (стулья), *миний* (меня), *наму* (нам).

Причина такой непоследовательности и ошибок не только в плохом знании моряками с «Вакамия-мару» русского языка, но и в том, что к началу XIX в. японские специалисты по голландскому языку (*рангакуся*) ещё не выработали твёрдых нормативов для составления двуязычных японо-европейских словарей. Вообще-то начало изучения японцами индоевропейских языков восходит к седой древности. Ещё в IX–X вв. буддийские монахи из Японии с целью освоения «Трипитаки» на языке оригинала составляли санскритско-японские словари с указанием произношения санскритских слов. Отдельные японские специалисты и в эпоху Эдо в какой-то степени знали и латынь, и французский, а не только голландский язык. Но таких специалистов насчитывались единицы, и дело до научной систематизации лингвистических знаний у них не доходило. Кроме непоследовательности в фиксации лексического материала и своеобразия в передаче необычных звуков, к 75% русских слов с начальным *р* добавлены препозиционные *о* или *а*, например: *オロボシニカ* (*оробосиника*) — работник, *オロカワ* (*орокава*) рукава, *ポシトウオカヨ* (*носитōокаё*) — почто ругаешь? *ワイノアレバ* (*ваиноарэба*) — вяленая рыба, *アラツナ* (*арацуна*) — разные.

При подготовке к изданию 8-й тетради «Канкай ибун» («Словарь») я предполагал, что некоторые ошибки при записи русских слов в нашей рукописи своим происхождением обязаны неквалифицированной консультации моряков и процитировал комментарий из рукописи к слову «город»: «...Петербург называют *ホロシヨゴーロト* (*хоросёгōро́то*); «*ホロシヨ*» (*хоросё*) означает “хороший”. Пропуск *нигори* в графеме *ホ* (*хо*) привел к интерпретации слова “большой” (*ボロシヨ*) как “хороший” (*ホロシヨ*)». Это верно, но после сравнения нашей рукописи с несколькими изданиями и рукописью Сōда я обнаружил, что не меньше, а может быть и больше ошибок обязаны небрежности переписчиков: одно и то же русское слово в разных списках, а иногда и в одном и том же списке записано неодинаково. В первую очередь это касается знаков озвончения (*нигори* и *ханнигори*).

Так, слово «труба» в петербургской рукописи записано как *тороба*, а в рукописи Сōда — как *тороха*, слово «песок», записанное в Петербургской рукописи как *биссōка*, в издании Икэда записано как *хиссōка*, а в издании Ямасита — как *хиккōка* (переписчик принял ツソ за ツク). Слово «фартук» записано в Петербургской рукописи как *хорутōка*, в изданиях Ōтомо и Икэда — как *порутōка*, в изданиях Сугимото и Ямасита — как *борутōка* (переход: *ホ* = *ポ* = *ボ*). Причудливое сочетание ошибок разного характера можно видеть на примере слова «церковь» (вариант Кōдайō): Петербургская рукопись — *дзэварико*, рукопись Сōда: *сзурико*, издания Ōтомо, Сугимото и Ямасита: *дзэурико*, в издании Икэда: *дзэарико*. Мысль о смысловоразличительной

роли знаков озвончения не приходила в голову людям, активно и профессионально не занимавшимся проблемами фонетических особенностей иностранных языков.

Примерно такая же ситуация наблюдается при передаче японцами русского силового ударения. В «Канкай ибун» ударение в русских словах передано не всегда, а там, где оно обозначено, можно отметить следующие приёмы.

Самый распространённый способ передачи русского силового ударения — знак долготы (オーボロカ — *оборока*, облако; スロポーイ — *суропōи*, слепой; セツロー — *сэцурō*, седло). Большей частью этот способ применяется для передачи ударного *о*, иногда — *а*. Другой способ — прибавление к графеме с ударной гласной соответственно читаемой графемы *катакана*. Дифтонги *эй* и *ай* передают в японском языке *э̄*. В то же время, через *эй* передаётся русский звук *ы*. Русский ударный гласный может быть обозначен и прибавлением к предыдущей графеме графического эквивалента её гласной составляющей: ミニヤア — *минияа* (меня), カラシイワ *карасиива* (красивый), ベエヅナ *бээдзуна* (бедный). Как и в случаях со знаками озвончения, знак долготы можно увидеть не там, где ему надлежало бы находиться при отсутствии этого знака у графемы, передающей ударный гласный — オホー — *охō* (ухо), ボーイゲラル — *бōигэрару* (проиграл).

Прежде чем перейти к проблеме транскрипции отдельных русских звуков знаками *катакана*, обратимся к характеру паразитических гласных, неизбежных при записи русских слов силлабическим письмом. В современной японской печати при транскрибировании иностранных слов в случае стяжения двух и более согласных принято употреблять графемы с гласным *у* для твёрдых и *и* для палатализованных согласных. Поэтому русское слово «смотрел» в «Канкай ибун» транскрибируется как スモテレル (*сумотэрэру*). В данном случае не из-за плохой памяти моряков или невнимательности переписчиков, а вследствие силлабизма японской графики в двух местах (после *л* и после *с*) появился паразитический гласный *у* и в одном месте (после *т*) — паразитический гласный *э*.

Такая система транскрипции создаёт при реконструкции иностранного слова большие неудобства. Не всегда бывает ясно, какой из редуцирующихся по законам японской фонетики гласных должен быть опущен и опускается ли какой-либо из них в принципе. Из приведённой записи не видно, опускается ли гласный *э* в слове-оригинале и опускается ли он вообще.

Подробный анализ способов передачи звуков русского языка средствами японской графики, принятыми в «Канкай ибун», был произведён мною при подготовке к печати факсимильного издания 8-й тетради этого сочинения¹⁶.

¹⁶ *Ōцуки Сигэтакэ и Симура Кокё*. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда. — Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. XVI. М.: ИВЛ, 1961.

Сравнение между собой семи текстов сочинения показало мне, что обнаруженные в своё время правила транскрипции сплошь и рядом нарушались при переписке рукописей. То же касается и точности передачи других элементов текста.

Если не касаться проблемы иллюстраций, то главных отличий нашей рукописи от других известных мне текстов четыре — количество самого текста, его иероглифическая насыщенность, его размещение в рукописи и смысловые замены в нём.

Замены производятся по смысловой аналогии, по сходному функциональному признаку и по внешнему сходству безотносительно к смыслу.

В Предисловии к сочинению, там, где расположено оглавление, в рукописи Института востоковедения основной текст разорван переписчиком на две части, а после окончания абзаца там выпущен кусок текста, который имеется в печатных изданиях: «Карта мира, о которой говорилось ранее, напечатанная в их стране, заполнена этими письменами. Это та копия карты, в которой [знаки в надписях] заменены знаками нашей страны». Далее следует фраза, отсутствующая в изданиях и в рукописи Сёда, за которой в нашей рукописи снова пропущена фраза, имеющаяся в других текстах: «Оба вышеприведённых стиля [письма] имеют по 33 знака. Однако стиль, напоминающий полускоропись, содержит много вариантов начертания, как [это показано выше]».

Различия в иероглифической насыщенности текстов, как и замена одних графем другими без изменения смысла к спискообразующим факторам не относятся и в современной японской текстологии ошибками не считаются. В рукописи Института востоковедения, к примеру, регулярно вместо 共 (*томо*) пишется とも, нередки и другие графические замены. В то же время по сходству написания в пятом свитке 共 написано вместо 其 (*соно*), а по сходству звучания 我等 (*варэра*) — вместо それら (*сорэра*) (свиток 5-й), 之 (*корэ*) — вместо あり (*ари*) (свиток 7-й). Нередко в рукописи встречаются смысловые подстановки: いふ вместо 所謂, よつて вместо これによりて (свиток 9-й), てらし вместо 点し (свиток 9-й), 病人出府に вместо 兩人病氣不及快方 (свиток 9-й), пропуски по несколько строк имеются в свитках 5, 6, 9, 10, 12, 16, перестановки абзацев в свитке 9, добавочные строки текста, отсутствующие в других известных мне списках, имеются в свитке 6, 16 (не говоря уже о последних его страницах).

На особом месте стоит текст 16-го свитка. КATALOGI японских рукописей отмечают, что тексты «Канкай ибун» в хранилищах имеются и в 15-ти, и в 16-ти свитках. Первые 14 свитков в нашем случае начинаются и заканчиваются стандартно, как и в других списках. Разница со списками, состоящими из 15-ти свитков, заключена в последних двух из них. 15-й свиток в СПб рукописи заканчивается рассказом о русских брачных обычаях (л. 18). Дальнейший текст относится к 16-му свитку. После 18-го листа начинается 16-й сви-

ток, где сначала повторяются записи, в других (назовём их «краткими») списках относящиеся к 15-му свитку, а дальше содержится новый текст, в кратких списках отсутствующий. Он начинается с письма Российского императора императору Японии, переведённого, как указано в сочинении (на самом деле приблизительно пересказанного), с голландского языка (сравнение с его русским оригиналом показывает более чем вольное обращение переводчиков с текстом). В нашей рукописи отсутствует большой фрагмент текста окончания 15-й тетради. Таким образом, пространственные тексты отличаются от кратких не только брошюровкой, но и количеством текста. Перевод добавочного текста, как и других разночтений и разнописей я привожу полностью.

В 1961 г. В. М. Константинов издал факсимиле текста рукописи с переводом на русский язык, предисловием и комментариями сочинения «Оросия-коку суймудан» (魯西亞国睡夢談, Сны о России), рассказывающего о пребывании в России в конце XVIII в. Дайкокуя Кōдаё¹⁷. Эта рукопись в начале XX в. была приобретена у букиниста в Киото владивостокским японоведом Е. Г. Спальвиным. В предисловии к изданию В. М. Константинов перечислил названия ещё девяти токугавских рукописей, повествующих о пребывании в России конца XVIII — начала XIX века японских дрейфовщиков. В 1978 г. в Москве вышло в свет сочинение токугавского учёного Кацурагава Хосё (1751–1809) «Хокуса монряку» (北槎聞略, Краткие вести о скитаниях в северных водах) в переводе на русский язык, с подробными комментариями и приложениями (указатели, иллюстрации) В. М. Константинова. Сочинение также посвящено приключениям Дайкокуя Кōдаё¹⁸.

На русском языке перевод «Удивительных сведений об окружающих [Землю] морях» публикуется впервые. На другие европейские языки сочинение не переводилось. Японские и международные географические названия даются в вариантах, приводимых в этом сочинении. Современные их варианты (если они отличаются от прежних) даны в сносках. Личные имена японцев даны в том порядке, в которых они употребляются на их родине — сначала фамилия, затем имя, прозвище или псевдоним. Идентификация имён европейцев приводится в сносках; если такая идентификация не произведена, значит её сделать не удалось. Не удалось идентифицировать и некоторые русские слова в японской передаче — то ли в силу искажений при их произнесении моряками, то ли из-за ошибок переписчиков. Думаю, что первая причина более вероятна, потому что искажения часто повторяются от списка к списку.

¹⁷ Оросиякоку суймудан (Сны о России). Издание текста, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. — Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. XI. М.: ИВЛ, 1961.

¹⁸ Кацурагава Хосё присутствовал на аудиенции Кōдаё у сёгуна и на его допросах сановниками *бакуфу*, во время которых учёному было поручено вести записи вопросов и ответов.

К сожалению, многие особенности рукописного текста (например, скоропись, графемы *хэнтайгана*) передать в издании невозможно (факсимильное издание всей объёмной рукописи было бы неоправданным с разных точек зрения), поэтому представлять их приходится описательно.

Следует заметить, что публикуемое в русском переводе сочинение Ёцуки Гэнтаку и Симура Хироюки представляет большой интерес не только для историков и лингвистов, но и для этнографов: огромный объём информации об этнографии не только русских, но и малых народов Сибири и Дальнего Востока делает её актуальной чем дальше, тем больше.

В заключение хотелось бы выразить благодарность Международному центру по изучению японской культуры (日文化センター, г. Киото), где мне были созданы все условия для завершения этой работы, начатой много лет назад в Ленинграде.

В. Н. Горегляд

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Г. Маранджян. От редактора</i>	7
<i>В. Н. Горегляд. Японские скитальцы в старой России</i>	9

КАНКАЙ ИБУН

«Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях»

Предисловие	31
Свиток 1	65
Свиток 2	86
Свиток 3	101
Свиток 4	119
Свиток 5	134
Свиток 6	154
Свиток 7	177
Свиток 8	200
Свиток 9	237
Свиток 10	256
Свиток 11	271
Свиток 12	287
Свиток 13	309
Свиток 14	326
Свиток 15	350
Свиток 16	369
Список использованной литературы	390

Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки

КАНКАЙ ИБУН

**«Удивительные сведения
об окружающих [Землю] морях»**

*Японская рукопись XIX в.
из рукописного фонда СПб ИВР РАН*

Ответственный редактор *К. Г. Маранджян*

Корректоры *Е. А. Яркиева,*

Д. А. Суховой

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,
199178 Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., д. 55.

Тел. (812) 315-44-92

E-mail: hyperion@mail.wplus.net, hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

ISBN 978-5-89332-155-5

Сдано в набор 12.11.2008. Подписано в печать 14.01.2009.

Формат 70×100^{1/16}. Усл. печ. л. 31,8. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ № 2999.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Искусство России».

198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д.38, к. 2